

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ

ВАРТАНОВА Ж. А.

Эстетическое восприятие – это способность, обусловленная воздействием предметов объективного мира, произведений искусства и других создаваемых человеком вещей.

Как образно–предметный, предметно-содержательный способ отражения, эстетическое восприятие есть способность воспроизводить в своем сознании, эмоционально окрашивая, целостные образы реальности и искусства, их предметов и явлений. На чувствительности, зрительной, слуховой и тому подобной, базируется способность воспринимать ценностные характеристики предмета – гармонию и дисгармонию свойств, конкретные их проявления (ритм, симметрия, пропорции) и т. д. В эстетическом восприятии человек проявляет интерес к предмету как таковому, к целостной и неповторимой индивидуальности.

Эстетическое восприятие отличается ч,тко выраженным творческим моментом, в частности, установками личности, особенностями е, мироощущения, нравственного и эстетического сознания.

Осознание, что перед нами лишь изображение действительности, а не сама действительность, способствует тому, что, например, предмет искусства сам зада,т “способ прочтения”, “перевода” его в восприятие субъекта, человека, личности. При этом избирательность и глубина восприятия обусловлены как состоянием эстетического развития общества, так и потенциалом самой личности, е, духовной направленности, е, ценностных ориентаций,

В свою очередь предмет эстетического восприятия есть вторичный образ и смысл, который совпадает и не совпадает с задачей автора, так как “это отражение не самих предметов и явлений действительности, а того отношения, в котором они находятся к потребностям и мотивам деятельности человека”¹. Вследствие этого в процессе эстетического восприятия как образно-предметного или предметно-содержательного

¹ Леонтьев А. Н. *Эмоции и чувства*, М., 1956, с. 336.

способа отражения эстетический объект трансформируется. Кстати, сопутствующие восприятию оценки типа: “Это мастерски сделано!” или “Как это здорово!” – не влияют на эстетическую оценку воистину образованного человека. Лишь при наличии развитых эстетических чувств, вкуса, потребности способность эстетического восприятия у того или иного человека является соответствующей объективной ценности предмета.

Подлинность восприятия, то есть его соответствие реальным тенденциям развития общества, его идеалам, вкусам, крайне нуждается в осознанности самого восприятия. Следовательно, необходимо решение и таких общих задач, как формирование в человеке способности эстетического восприятия, способности к эстетической оценке и эстетической деятельности. А эстетическая оценка, представляя собой информацию о ценности воспринятого объекта, выступает как акт открытия, как высший момент самого восприятия. При этом эстетическое восприятие способно возвышаться до потрясения, когда личность переживает радость не только от открывшегося ему смысла, но и от самого акта открытия.

Речь, таким образом, идет не столько о возбуждении эстетического восприятия, сколько о его развитости, о синтезе познания и оценки, который безусловно имеет место быть. И восприятие эстетического объекта в этом смысле являет собой не просто познание, но и оценку себя в других и другого в себе. Личность обнаруживает себя в виде заложенного в индивиде стремления проникнуть в мир “актуализации себя”, своего состояния, побуждающего к восприятию эстетических ценностей жизни и искусства.

Восприятие проникает в понравившиеся объекты, обогащая их содержание и форму, придавая им такой смысл, которым объективно они не обладают. В этом мы находим существенную специфику эстетического восприятия: помощь фантазии, воображения, а также накопленного опыта создают эстетически действенный образ. В условном смысле можно говорить об образе Времени, Пространства, Эпохи и тому подобных реальностях, не имеющих своего непосредственного, предметно-индивидуального прообраза в действительности. В искусстве же эти реальности всегда чем-то опосредованы, они через что-то, в чем-то выражаются – творческая фантазия дорисовывает эти образы.

Отнюдь не случайно эстетически развитый субъект, несомненно, обнаружит понимание в сфере красоты. Напомним в этой связи мысль

Ф. Шиллера: “Красота есть состояни нашего субъекта... красота одновременно и наше состояни и наше действие”², то есть намечен переход от состояния вещи к состоянию восприятия, возможного восприятия. А если это так, то эстетическая ценность того или иного предмета представляет собой также и объективное отношение к обществу, человеку, человечеству. Ведь недаром предмет приобретает ценность, когда его свойства имеют широкое общественное значение, обусловленное человеческой практикой.

Характеризуя явление в его отношении к другим явлениям, заметим, что понятие “эстетические свойства” точнее обозначает объект эстетического отношения, чем, скажем, понятие “эстетические качества”. В свое время Шиллер, стремясь дать классификацию эстетических свойств, отмечал свойства вещей, обладающих способностью эстетического воздействия, – благо, добро, возвышенное, прекрасное. Красоту предмета можно воспринимать как выраженное в его форме природно-человеческое содержание. Красота в образе мудрости и добра как свойств, воспринимаемых позитивно и присущих индивидуальным существам, предстает в философии Л. Фейербаха.

А в жизни человека и общества эстетические свойства выражают меру проявления свободы в деятельности людей. Человек ощущает свою свободу как свободу вещи: объективно существующие и безразличные к человеку предметы связываются с самыми интимными сторонами его внутреннего мира, самыми сокровенными движениями его души. Как метко заметил поэт Симон Чиковани:

*Всему дана двойная честь
Быть тем и тем:
Предмет бывает
Тем, что он в самом деле есть,
И тем, что он напоминает.*

(перевод Беллы Ахмадулиной)

В свою очередь Николай Гартман (“Эстетика”, 1953 г.) рассматривает эстетический объект существующим лишь благодаря эстетическому акту его восприятия, которое сверхчувственно, интуитивно. По Гартману, предмет существует в своем эстетическом значении только для эстетически восприимчивого субъекта. Между тем, восприятие,

² Шиллер Ф. Статьи по эстетике (Собр. соч. в 7 томах, т. 6, М.-Л., 1957, с. 279).

будучи познавательным процессом, воспроизводит общее, типическое, отчетливо проявляющееся в индивидуально-своеобразном, единичном явлении. Так, цвет, ритм и т. п. в восприятии всегда что-то выражают, ассоциируясь с определенным содержанием, выступая в высшей степени как обобщенные признаки. За счет ассоциаций содержание предмета субъектно конкретизируется, преобразуется: образ эстетического восприятия у каждого данного человека становится самым полным и наиболее объективным. Ведь недаром в процессе восприятия происходит перевод “человеком своих впечатлений во внешнюю речь, в создание зрительных и слуховых образов, целых картин”.

Известно, например, что при восприятии написанного текста Л. Н. Толстой оценивал его с точки зрения критериев образности, выразительности и соответствия логике жизни; нужна, по мысли писателя, художественная убедительность, типичность образов и сообразность выдвинутой идее.

Впрочем, любой эстетически развитый человек способен воспринимать и оценивать как предметный мир, так и природный. Мы способны восторгаться не только лесом, горами, окраской цветов и моря, но часто изымаем из естественного окружения таинственно переплетенные ветки, причудливо изогнутые корни, которые в иных условиях можно отнести к произведениям искусства. Восприятие и оценка искусства в широком смысле опираются на знание жизни, знакомство с которой предполагают все искусства, но в литературе это, как известно, крайне необходимо: сам контакт между писателем и читателем основан на общности восприятия действительности.

Так, существование или несуществование “лишних людей” отнюдь не безразлично для эстетического восприятия романа М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”. Но существовал ли в реальной жизни Печорин или не существовал, есть ли образ героя романа художественный вымысел или портрет – это не имеет непосредственного отношения к эстетическому восприятию самого романа, однако данный роман как литературное произведение, несомненно, отмечен таким важнейшим атрибутом восприятия, как художественное наслаждение. Возникновение же и развитие внутренних, субъективных возможностей эстетического отношения к миру как единству эстетического отражения и эстетического переживания предполагает потребность в идеале, в наличии у человека чувства красоты, чувства изящного. Последнее “есть условие человеческого достоинства”, без которого “... нет гения, нет

таланта, нет ума”³. Вместе с тем нет и искусства, находит Гегель, “если воспринимающий чувствует, что то, что показывает ему художник, могло бы быть и иначе”⁴.

В сущности, художник “должен отступать перед своим предметом” (Гегель), “умирать”, живя жизнью своих персонажей; в восприятии же реципиента (читателя, зрителя, слушателя) субъективное (автор) и объективное (реальность) сливаются. Так, в некоторых случаях речевая практика закрепила это единство субъективного и объективного как важнейший элемент восприятия литературного произведения, в частности. Мы говорим “Байронический тон”, то есть пророчески-гневный, “Лондон Диккенса”, “Петербург Достоевского”, в которых ярко выраженное субъективное накладывает печать на объективное: творчество писателя, предполагая творчество читателя, вызывает активное восприятие.

В свою очередь несмоделированная часть того или иного эстетического объекта призвана “достраиваться” воспринимающим, его стремлением и познать, и понять, и получить наслаждение. Насколько значителен эстетический потенциал моделирования, видно на примере символа, аллегии, притчи, когда воспринимающий восстанавливает подразумеваемый смысл на основе своего накопленного опыта, в котором эскизы великих мастеров часто производят “более сильное впечатление, чем их законченные картины”⁵. Следовательно, индивидуальная авторская неповторимость и индивидуальная неповторимость восприятия “восторг ума и чувств дают изведать нам” (Ш. Бодлер). Именно искусство постигло искусство [осуществляя “себя посредством действия” (Гегель)] приводить в порядок окружающий мир, помогая становлению человеческой сущности. Вспомним, что виртуально мозг заключает в себе не те или иные человеческие способности, а лишь способность к формированию этих способностей.

И прежде чем Тригорин в чеховской “Чайке” смог занести в свою записную книжку: “Плыло облако, похожее на рояль”, человечество должно было пройти долгий путь человеческих представлений, сложных ассоциаций и т. д. Чем содержательнее художественное

³ Белинский В. Г. *Собр. соч.*, т. 1, М., 1948, с. 220.

⁴ Толстой Л. Н. “Запись в дневнике от 14 октября 1909 г.” (*Полное собрание сочинений*, т. 57, М., 1952, с. 151).

⁵ Шопенгауэр А. *Мир как воля и представление*, т. II, М., 1901, с. 419.

произведение, тем больше ответных мыслей, чувств и образов вызывает оно. В принципе один и тот же предмет различно преломляется в различных лицах и превращает свои различные стороны в столько различных характеров, сколько воспринимает их. Данное “печальное свойство” музыки подметил А. Рубинштейн, говоря, что она “не может двух музыкантов согласить в одном и том же мнении”⁶. Иными словами, роль субъективного фактора приобретает в восприятии музыки сравнительно большое значение. Однако различия в истолковании музыки, как и других видов искусства, возможны и оправданы лишь в пределах объективной основы, имеющей своим источником объективную реальность. Так, в основе бетховенской музыки как ее сущности, по мысли Б. Асафьева, лежит озвученная мысль о действительности (“безусловной неправды” творцы искусства не создают).

Для обычной ориентации человеку достаточно воспринимать привычные явления упрощенно: снег – белый, туман – серый и т. д. И лишь художник способен увидеть снег и розовым, и голубым, и золотым, а туман не только серым, но и розовым. Однако оправдана направленность того, что человек ассоциирует цвет с типичным в своем опыте: голубой цвет – образ неба, черный – ночь, ненастье и т. д. Именно на эту образность восприятия “рассчитывают” все виды искусства: художественные средства “работают” на “соавторство” публики, на опосредованность восприятия эстетического. А это значит, что на эстетическое восприятие влияют и память, и возможность ассоциировать и сопоставлять воспринимаемое с сохраненными памятью представлениями, знаниями, образами. Именно это способствует опознанию человеком по отдельным свойствам того или иного предмета и созданию предметного образа, более богатого – в образе происходит “наполнение” предмета жизнью.

Всё, то, что даёт подлинное содержание нашим восприятиям (и чувство стиля, и чувство типичности, и чувство языка и т. д.), открывает “перед нами... великие страсти и движения глубокой души”. Высокий уровень восприятия произведений искусства обычно выражают словами “одухотворенное”, “поэтическое”, “художественное” видение мира. Человек в этой связи видит не просто дуб, а “великана”, видит, как солнце утром “стягивает туманное одеяло с реки”.

⁶ Рубинштейн А. *Музыка и ее представители*, М., 1891, с. 185.

В целом эстетическое воздействие одних и тех же явлений необычайно разнообразно: сфера интересов, мировоззрение, индивидуальные особенности личности (даже состояние и настроение в то или иное время) имеют значение в процессе восприятия. Познавая в предметах новые свойства, человек, быть может, открывает в себе новые способности. Результат порой может озадачивать тех, кто идет к живописи за знакомыми обиденными человеческими ценностями. Неудивительно, что “у Сезанна, например, эти “человеческие ценности” редко входят в картину по собственному праву, а лишь как средство акцентуации других ценностей”⁷.

Именно “субстанция человека” способна более или менее верно осознавать реальные ценностные отношения. А способность разумного эстетического восприятия помогает человеку создавать в своем сознании наиболее полный целостный образ как отражение “духовного деяния”.

ԳԵՂԱԳԻՏԱԿԱՆ ԸՆԿԱԼՄԱՆ ՄԱՍԻՆ

ՎԱՐՏԱՆՈՎԱ Ժ. Ա.

Ամփոփում

Գեղագիտական ընկալումը գիտակցության մեջ իրականության ու արվեստի ամբողջական պատկերների վերարտադրման ունակությունն է: Գեղագիտական ընկալման էական առանձնահատկություններից են երևակայությունը, կուտակված փորձը, որոնք հարստացնում են դիտվող օբյեկտների բովանդակությունն ու ձևը: Գեղագիտական օբյեկտի ընկալումը ոչ միայն վերջինիս ճանաչումն է, այլև գնահատականը: Արվեստի գործերի ընկալման բարձր մակարդակը սովորաբար արտահայտվում է «բանաստեղծական», «գեղարվեստական», «ներշնչվածություն» հասկացություններով:

ON AESTHETIC PERCEPTION

Zh. VARTANOVA

Abstract

Aesthetic perception is people's ability to reproduce holistic images of reality and art in their minds. An essential feature of aesthetic perception is assistance provided by fantasy, imagination and the accumulated experience that enrich the content and form of contemplated objects. The perception of an aesthetic object encompasses cognitive and axiological aspects. A high level of perception of the works of art is usually expressed through words “the inspired,” “the poetic,” and “the artistic.” It is the ability of rational perception that enables human beings to create a most comprehensive, holistic image in their minds.

⁷ Леонтьева Э. В. Искусство и реальность, Л., 1992, с. 133.